

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Фукидид-афинянин¹ описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинские города² либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле, война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более что происходило еще раньше³, установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств⁴ я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

2. Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой¹, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. (2) Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на суше. И земли свои возделывали настоль-

ко лишь, чтобы прокормиться. Они не имели лишних достатков² и не делали древесных насаждений (ведь нельзя было предвидеть, не нападет ли враг и не отнимет ли все добро, тем более что поселения не были укреплены). Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с легкостью покидали насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния. (3) Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, а именно — в так называемой ныне Фессалии и Беотии³, а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях. (4) Ведь как раз там, где плодородие почвы приводило к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры, отчего эти поселения теряли способность обороняться и вместе с тем чаще привлекали к себе алчность чужеземцев. (5) В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц⁴, и в этой стране всегда жило одно и то же население. (6) И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Аттикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию, поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

3. На скудость материальных средств в древности особенно ясно указывает еще и следующее. Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. (2) Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого име-

ни¹, а до Эллина, сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласги, так и другие)² давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде, а другие города начали призывать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами, но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. (3) Наилучшее доказательство этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны³, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды — они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары» — очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем. (4) Как бы то ни было, отдельные племена, принявшие имя эллинов и говорившие на общепонятном для всех языке, до Троянской войны вследствие слабости и отсутствия взаимных связей ничего не совершили сообща. Да и в этом походе они смогли выступить совместно лишь после того, как приобрели больше опыта в мореходном деле.

4. Как нам известно из предания, Минос¹ первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев², поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.

5. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обратились к морскому

разбою. Возглавляли такие предприятия не лишенные средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания неимущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим бóльшую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом. (2) На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной), а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос¹ — не разбойники ли они, — так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания. (3) Они грабили друг друга также и на суше. И поныне во многих областях Эллады живут люди, у которых существует еще этот старинный образ жизни, как, например, у озольских локров, в Этолии, Акарнании и других областях материка. Обычай носить оружие сохранился в домашнем обиходе этих материковых жителей со времен древнего занятия разбоем.

6. В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были не укреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам. (2) Те области Эллады, где такой быт еще сохранился, служат явным доказательством тому, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе. (3) Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни. Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически¹, закаляваемой золотыми булавками в форме цикад. Поэтому и у ионян, связанных с афинянами племенным родством, эта манера одеваться также еще долго сохраня-

лась². (4) Лакедемоняне первыми стали носить простую одежду нынешнего времени, и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни, одинаковый с простым народом. (5) Они впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях³ борцы выступали в набедренных повязках, и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев Древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров.

7. Города, основанные в последнее время¹, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города² как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее прибрежное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны.

8. Но разбойниками были островитяне — карийцы и финикияне¹, поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение² Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказались карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. (2) После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников³, заселил большую часть находившихся под

их властью островов. (3) И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. (4) Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени.

9. Агамемнон¹, полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Гиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников. (2) По рассказам людей, получивших от предков самые достоверные предания об исторических событиях в Пелопоннесе, Пелопс² первым добыл себе власть ценою больших сокровищ, с которыми он прибыл из Азии к людям бедным. Он добился того (хотя и был пришельцем), что страну назвали его именем, и потомки его впоследствии достигли еще большего могущества. Еврисфей³ был убит в Аттике Гераклидами⁴, после того как доверил Микены и царскую власть Атрею, брату своей матери (бежавшему раньше от своего отца вследствие убийства Хрисиппа). Когда Еврисфей не вернулся из похода, Атрей получил царскую власть над микенцами, которые из страха перед Гераклидами добровольно согласились на это, ибо Атрей, будучи человеком могущественным, расположил к себе и микенский народ, и всех других подвластных Еврисфею. Так-то Пелопиды⁵ стали могущественнее потомков Персея⁶. (3) Все это могущество Агамемнон, очевидно, унаследовал и, кроме того, превосходил остальных своим флотом, и потому, выступая в поход, он повел за собой войско не столько из-за приязни к нему других вождей, а скорее оттого,

что внушал им страх. Он и сам прибыл со множеством кораблей, да еще, по словам Гомера (если только его можно считать достоверным свидетелем)⁷, предоставил корабли и аркадам. (4) И в рассказе о вручении по наследству скипетра Гомер говорит, что Агамемнон властвовал над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным⁸.

Конечно, живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), если бы он не обладал значительным флотом. Итак, Троянский поход позволяет судить о том, каково было общее состояние Эллады к тому времени.

10. Впрочем, будь Микены даже совсем небольшими (равно как любой существовавший тогда город теперь, на наш взгляд, является незначительным)¹, это еще не представляет убедительный довод для того, чтобы считать Троянский поход не столь уж великим, каким его изображают поэты и как гласит молва. (2) Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса² и стоят во главе всего полуострова³ да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое бóльшим в сравнении с действительностью.

(3) Поэтому и в данном случае не следует относиться к преданию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов⁴, чем на их действительное значение. Троянский же поход следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, приукрасил и преувеличил это событие, но все же поход представляется довольно незначительным. (4) Действительно, поэт называет 1200 кораблей; на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета — по 50⁵. Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли. О величине других, во всяком случае в «Списке кораблей»⁶, Гомер не упоминает. На то, что все люди на кораблях были и воинами, и гребцами, поэт ясно указывает при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю, скорее, на манер разбойничьих судов. (5) Во всяком случае (если взять среднее число людей на самых больших и самых малых кораблях), очевидно, в поход отправилось не так уж много ахейцев, особенно если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой.

11. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств. Ведь из-за трудности снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, а именно — с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных средств. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении¹ (это ясно: ведь иначе они не смогли бы построить стену око-

ло стана), то даже и тогда они, очевидно, не использовали для войны все свое войско, но трудности добывать пищу заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе² и грабежом³. По этой именно причине, вследствие раздробленности боевых сил ахейцев, троянцы легко оказывали им сопротивление в открытом поле в течение десяти лет и всегда были в состоянии помериться силами с остающимся на месте врагом. (2) Напротив, если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно и всеми силами, то легко взяли бы Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющихся в наличии, они бы успешно сопротивлялись; начав осаду, они взяли бы Трою гораздо скорее и без больших усилий. (3) Так что не только прежние походы были по скудости средств незначительными, но и этот, знаменитейший из всех них — Троянский, на деле представляется не столь замечательным, как это теперь утверждает предание, сохраненное поэтами.

12. Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. (2) Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города¹. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона² вытесненные фессалийцами³ из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся Кадмейской землей⁴ (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправившиеся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес⁵. (3) Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так

как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов⁶, Италию⁷ же и Сицилию — большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе⁸. Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

13. Между тем Эллада становилась могущественнее и все более богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов¹, тогда как прежде у них была наследственная царская власть² с определенными почетными правами и преимуществами. Эллины начали строить корабли и обратились к мореходству. (2) По преданию, коринфяне первыми приступили к строительству кораблей способом, уже весьма похожим на современный, и в Коринфе были построены первые в Элладе триеры³. (3) Коринфский кораблестроитель Аминокл, который прибыл к самосцам приблизительно лет за 300 до окончания этой войны, построил и им четыре корабля. (4) Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами⁴ (а от этой битвы до того же времени⁵ прошло около 260 лет). (5) Коринфяне ведь уже с давних пор жили в городе на Истме и владели там торговым портом⁶. Так как в древности у эллинов (живших как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами) торговля шла через город коринфян больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател, как об этом сообщают древние поэты: это они прозвали Коринф богатым⁷. С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче от притока доходов с суши и с моря. (6) У ионян⁸ же флот появился гораздо позднее, уже при Кире, первом персидском царе,

и его сыне Камбисе. С этим флотом ионяне во время войны с Киром некоторое время удерживали господство на море у своих берегов. И Поликрат⁹, тиран Самоса, при Камбисе также владел сильным флотом. Он подчинил себе, кроме других островов, также и Рению, которую посвятил Аполлону Делосскому. Наконец, и фокейцы, основавшие Массалию¹⁰, побеждали карфагенян в морских битвах¹¹.

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконторы и длинные военные корабли¹, подобные кораблям троянских времен. (2) Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. (3) Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве — пентеконторы. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян² построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы³.

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города¹, которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова² и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. (2) Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной

военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за пределы своей земли эллины не совершали. У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. (3) Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами³ остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян¹ на них во главе Персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он завоевал все земли по сю сторону реки Галис до моря и лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова².

17. Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения; они не совершили ничего значительного¹, и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества². (2) Так-то развитию Эллады долгое время мешали различные препятствия. Поэтому она не могла совершить ничего великого, а отдельные города были слишком малопредприимчивы.

18. Афинские тираны, да и большинство их в остальной Элладе (которая уже ранее долго находилась под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами¹. Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам из-

вестно, страдал от междоусобных распрей². Однако уже издревле город управлялся хорошими законами³ и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества⁴, они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. (2) А на десятый год⁵ после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне как самые могущественные стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба этих города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. (3) Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом, и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками⁶ (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.

19. Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян